

усобная брань ставит под удар неподвижность «крепостного устава». В этом построении все четыре сословия являются незабываемым основанием государственного устройства, они изолированы друг от друга и в соответствии с заповедью «питаются» своими прямыми трудами. На самодержавие дворянство возлагает роль силы, которая в первую очередь должна оберегать существующий порядок, поскольку царю «дан от бога суд и исправление и меч отмщения и милость рассуждения». В этом положении мы находим абсолютное сходство с челобитьем 1648 г., однако теперь эта мысль служилых людей развита предельно широко. В контексте этого фрагмента челобитья 1658 г. дворянство не выделяет себя из четырех сословий, на которых основан государственный порядок, но фактически такое теоретическое построение призвано было дать обоснование господствующему положению служилых людей над массами «земледельческого чина».

Таким образом, двигаясь от одного вопроса к другому, от частного к общему, русское дворянство развивает свое классовое мышление, создает важные памятники своей общественно-политической мысли, дает теоретическое обоснование как крепостному праву, так и общественно-политическому и государственному строю. Эти общественно-политические взгляды дворянства служили основой для формирования абсолютизма в России.

А. М. ШАБАНОВА

К ВОПРОСУ О ЗЕМЕЛЬНЫХ МЕРАХ В ПРИСВИРЬЕ В XVII в.

При изучении землевладения и землепользования крестьян России периода феодализма нельзя обойти вопросов метрологии, в частности единиц измерения земельных площадей. Они требуют пристального рассмотрения, ибо на огромных просторах России помимо официальных государственных мер существовали местные, традиционные единицы измерения посевных площадей. Сведения о них отложались в архивных источниках.¹ Уяснение местной метрологии способствует лучшему проникновению в структуру крестьянского землевладения и землепользования в России периода феодализма.

Предметом рассмотрения являются земельные меры, которыми пользовались крестьяне Присвирья в XVII в. Источниками послужили писцовые книги XVII в., вотчинные хозяйственные книги и акты XVII в. из фонда Александро-Свирского монастыря. Среди хозяйственных книг особую важность представляют

¹ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1975. С. 90; Огризко З. А. К вопросу об единицах измерения земельных площадей в XVII в. // Проблемы источниковедения. М., 1961. Вып. IX. С. 258—261; Романов А. И. Веревные книги как источник по истории крестьянского Севера // Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976. С. 191—209.

«луковые книги», содержащие систематические данные о размерах крестьянских наделов в соответствии с тягловой разверсткой «луком». Многочисленные, но разрозненные сведения о местных земельных мерах дают акты.²

Способы измерения земельных участков в Присвирье не были единообразными. В официальных государственных документах — писцовых книгах XVII в. мерой земли служила четверть.³ Крестьяне же пользовались своими исторически сложившимися единицами: в деревнях Пиркинского погоста — «веревкой», в Лоянской волости — объемной мерой, «корпом».

В конце XVI—первой половине XVII в. Александро-Свирский монастырь получил в вотчину из «государевых оброчных земель» Пиркинский погост и Лоянскую волость Важенского погоста. Власти монастыря восприняли крестьянскую практику обмера пашен и сенокосов, пользовались ею при составлении вотчинных хозяйственных книг и в повседневной хозяйственной деятельности на протяжении XVII—первой половины XVIII в. Монастырские книги 1681 г. сохранили подворное описание крестьянских хозяйств с указанием тяглоспособности каждого двора в луках, размеров дворовых наделов в веревках и ее долях по деревням Кондужской волости, Люгович и Побережья, а по Лоянской волости — в корцах и его долях. Приведем формуляр этих записей: «...Юшко Иванов лук, земли веревка. . . Семен Иванов лук, земли веревка со штиною. . . Василий Яковлев лук, земли веревка с осминкою. . .»; «...Самылко Данилов 2 лука, а земли у него во владении 3 корца. . . Яшко Федоров 2 лука, а земли. . . без осьмушки пол-три корца. . . Симашко Петров лук, а земли. . . без четверти корец» и т. д.⁴

В фонде Александро-Свирского монастыря отложилось небольшое число актов по Олонецкому погосту, которые позволяют заключить, что земельной мерой в олонецкой черносошной деревне, как и в Пиркинском погосте, была веревка. Так, в апреле 1694 г. олонецкий крестьянин д. Иммалицы Андрюшка Михеев продал «отцовский свой деревенский участок полверевки земли с шестю долею посадскому человеку Василию Рыжжину да Сеньке Иванову», оставив себе половину веревки земли.⁵ Представленный архивный материал дает возможность очертить ареал использования веревки в качестве меры земельных площадей в крестьянских хозяйствах. Кроме Двинского уезда, тщательно изученного А. И. Копаневым, его следует распространить на ряд районов Обонежья, в частности на Пиркинский погост Присвирья и Олонецкий погост. Однако, являясь крестьянской традицией, вервление в каждом районе бытования имело свои характерные черты и сугубо местный размер веревки. Как отметил А. И. Копанев, даже в волостях Подвинья в XVII в. площадь веревки земли была неодинакова и колебалась от 1,5 до

² ЦГАДА, ф. 1209, кн. 979; Архив ЛОИИ СССР, ф. 3, оп. 1, 2.

³ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 979; Архив ЛОИИ СССР, ф. 3, оп. 2, д. 7, 11, 13.

⁴ Архив ЛОИИ СССР, ф. 3, оп. 1, к. 4, д. 115, сст. 1—2, 5—6.

⁵ Там же, к. 7, д. 36, сст. 1.

4.7 десятины, а длина веревки — от 60 до 80 и более сажен трехаршинных.⁶ По нашим наблюдениям, различной была величина веревки в Присвирье и Олонецком погосте. Оставляя за пределами нашего исследования выяснение размера веревки в Олонецком погосте, попытаемся определить ее величину в Присвирье. Вотчинная «луковая» книга 1681 г. зафиксировала в Кондужской волости Пиркинского погоста 152.7 веревки земли — «всей земли. . . 152 веревки и $\frac{1}{2}$ веревки и $\frac{1}{8}$ веревки и $\frac{1}{12}$ веревки».⁷ Сведения о величине наделной пашни в Кондужской волости содержит и приходо-расходная книга 1684 г. Здесь пашня исчислена в четвертях. Запись была сделана в связи с тем, что власти монастыря заставили кондужских крестьян доставлять камень на стройку в счет выплаты оброка. Количество подлежавшего вывозу камня было определено исходя из величины тяглой наделной пашни жителей волости — «с земли со 152.2 четвериков», а с каждого «четверика по 120 пудов» камня.⁸ Нам представляется, что 152.2 четверика пашни составляли площадь тяглых наделов крестьян Кондужской волости в одном поле. В то же время 152.2 четверика несомненно являются не чем иным, как площадью 152.7 веревки земли. Из сказанного можно заключить, что вотчинная книга 1681 г. в веревной росписи дворовых крестьянских наделов дает величину одного поля, подразумевая при этом, что у двух других была такая же величина. Имеющийся материал позволяет рассчитать и площадь веревки земли. Она равнялась 0.997 четверика, или 0.12 четверти.

Площадь веревки земли можно определить по другим источникам. В документе, датированном 1679 г., приводятся сведения об общем количестве тяглов на крестьянах Пиркинского погоста — 243 лука — и величине наделной пашни — 264.5 веревки земли. При этом оговорено, что 6 четвериков пашни в погосте не были положены в тягло, с них «тягло не шло». И далее следует перечень деревьев, а в них — земельных участков, исключенных из тяглой разверстки. Размер участков дается не в четвериках пашни, а в веревках: д. Сосевщина — 1 веревка, д. Костиева — 0.25, д. Кастуева — 0.5, д. Киякиева — 1.5, д. Луткова — 0.5, д. Корельская — 2, д. Семеновская — 2 веревки, всего 7.75 веревки.⁹ Таким образом, 7.75 веревки земли, не положенных в тягло, имели площадь 6 четвериков, или 0.75 четверти. Площадь же веревки земли составляла 0.8 четверика, или 0.1 четверти. В обоих случаях получены очень близкие величины площади веревки земли — 0.12 и 0.1 четверти.

Приведем еще пример, позволяющий проверить правильность явших подсчетов. В 1678 г. монастырские власти произвели учет дворовой пашни в д. Мекшевицы — «сколько. . . за крестьянами старинных писцовых четвериков во владении». Оказалось, что 20 дворов держали 25.3 четверика в одном поле, «а в дву по тому ж».¹⁰

⁶ Копанев А. И. Веревные книги. . . С. 204—206.

⁷ Архив ЛОИИ СССР, ф. 3, оп. 1, к. 4, д. 115, сст. 2.

⁸ Там же, оп. 2, д. 156, л. 160—166.

⁹ Там же, оп. 1, к. 4, д. 115, сст. 12.

¹⁰ Там же, д. 54, л. 1.

По «луковой» же книге 1681 г. за крестьянами деревни значилось 28 веревок земли.¹¹ Думается, что за три года фонд наделной земли в деревне существенно не изменился. Следовательно, площадь веревки земли составляла 0.9 четверика, или 0.11 четверти. Таким образом, варианты подсчета площади веревки дали совпадающие величины, что позволяет утверждать, что в 70—80-х гг. XVII в. площадь веревки земли соответствовала 0.8—0.99 четверика, или 0.1—0.12 четверти. В 1681 г. средний дворовый надел в деревнях Пиркинского погоста равнялся 1.5 веревки в одном поле или 4.5 веревки в трех полях, что соответствовало 0.15—0.18 четверти в одном поле или 0.45—0.54 четверти в трех полях.

Но веревка — это прежде всего линейная мера, поэтому возникает вопрос о длине веревки, которой мерили присвирские крестьяне пашни и сенные покосы. По свидетельству А. И. Копанева, в Подвинье, где веревка земли была мерой крупной, ее длина колебалась от 60 до 80 и более сажен трехаршинных.¹² В Пиркинском погосте в 70—80-х гг. XVII в. в употреблении была веревка постоянной длины и малого размера. И хотя точных сведений о ее линейной величине в источниках обнаружить не удалось, вычислить ее не представляет труда. При площади веревки 0.1—0.12 четверти, при десятине в 2400 кв. сажен, площадь веревки земли в саженом исчислении составит 144 кв. сажени, а длина веревки — 12 сажен. Веревка земли в Присвирье представляла собой квадратный участок, каждая сторона которого равнялась 12 сажениам.

Источники дают основание считать, что на протяжении XVII в. величина веревки в Пиркинском погосте не оставалась неизменной. В первой половине столетия она была мерой более крупной. Доказательством тому служит перемер, осуществленный монастырской администрацией в сентябре 1649 г. в деревнях Мирошкиницы и Мекшевицы, в связи с конфликтом между крестьянами этих деревень из-за подсечных сенных покосов. Потребовали передела покосов крестьяне, игумен Савватий санкционировал его проведение. При этом присутствовали два старца, представлявших вотчинные власти, от крестьян — волостной староста и волостные люди. Померщик пользовался веревкой, длина которой равнялась 20 сажениам: «... а веревка отмерена 20 сажен», — сказано в документе.¹³ Сенные покосы были разработаны в лесу в некотором отдалении от деревень. Одну территорию расчищали крестьяне нескольких деревень. Небольшие участки соседствовали и прилегали друг к другу, нередко и разрабатывались совместно, что приводило к частым земельным спорам, как и случилось у крестьян деревень Мекшевицы и Мирошкиницы. Отхожие сенные покосы у них находились в «верхней и нижней Навдии», у р. Каномки, за Свирью, на «Вязловщине», в «Слепухе», в «Охталы», на «Кожевщине», над тоней, против д. Мекшевицы, за ручьем. Росчисти были старые и новоросчищенные,

¹¹ Там же, д. 115, сст. 3.

¹² Копанев А. И. Веревные книги. . . С. 197.

¹³ Архив ЛОИИ СССР, ф. 3, оп. 1, к. 1, д. 101, сст. 1.

с «добрый» и «худой» поженной землей. Все размеренные полоски равнялись поперек одной веревке, а в длину — от нескольких до 38 веревок. Среди сенокосных угодий находился участок, использовавшийся под пашню, длиной 7 веревок, шириной в веревку.¹⁴ Как показала перемерная 1649 г., площадь веревки земли составляла 400 кв. сажен, или 0.3 четверти. Это позволяет сделать вывод, что в первой половине XVII в. веревка земли в Пиркинском погосте была более крупной мерой. Но к 70—80-м гг. XVII в. ее площадь уменьшилась до 0.1—0.12 четверти, или до 144 кв. сажен. На протяжении XVII в. в Присвирье шел процесс сокращения тяглых дворовых наделов, что, вероятно, и привело к уменьшению размера веревки.

В Лоянской волости мерили землю мерилу объемной мерой — корцом (ковшом). Крестьянская практика нашла отражение в обширном актовом материале. В документе, относящемся к 60-м гг. XVII в., крестьяне Лоянской волости, Максимка Дементиев с сыном, вернувшиеся «из бегов», в челобитной игумену Александро-Свирского монастыря Гермогену просили вернуть им прежний «деревенский участок корец земли», которым в их отсутствие завладел Ромашка Родионов с детьми. Челобитчики сообщали, что завели «отхожую лешую пашню. . . рожь посадили», а «деревенского участка нет и дворишка построить негде». Между тем за Ромашкой Родионовым было в тягле «два лука, а земли у него своего участка два корца, а мой третий корец».¹⁵ Корцом как единицей измерения деревенских участков в Лоянской волости продолжали пользоваться и в первой половине XVIII в. В 1733 г. пришел в д. Ташкинскую Григорий Иванов, который три года «кормился в мире черною работою и скитался меж дворами». Его запустевший деревенский участок — «корец земли», «отцовский след» — пахали односельчане: половину корца — Семен Иванов, а другую половину — Осип Изотов. «Я. . . желаю свой след принять в пашни и во владение себе и жить в вотчине вашей в Лоянской волости и деревне Ташкинской», — писал челобитчик архимандриту Виссариону.¹⁶

Аналогичная единица измерения земли существовала в XVII в. и в Важенском погосте. В архиве Александро-Свирского монастыря хранится отписка сборщика Важенского погоста Алешки Авксентиева от 25 марта 1679 г., выданная государственному крестьянину д. Кеца Ручья Левке Гаврилову в получении с него государевых платежей, взятых с трех корцов земли.¹⁷ Идентичность единиц измерения крестьянской пашни в Лоянской волости и Важенском погосте не является случайностью и находит объяснение в исторических судьбах района. Напомним, что до середины XVII в. Лоянская волость входила в состав государевых земель Важенского погоста. Лишь после того, как в 1645 г. волость была пожалована в вотчину Александро-Свирскому монастырю, она как административная еди-

¹⁴ Там же, сст. 1—2.

¹⁵ Там же, к. 9, д. 196, л. 1.

¹⁶ Там же, к. 16, д. 5, л. 31.

¹⁷ Там же, к. 4, д. 65, сст. 1.

ница влилась в Пиркинский погост. В силу этого в Лоянской волости использовалась мера земли, сложившаяся среди крестьян Важского погоста, частью которого до недавнего времени являлась Лоянская волость. В вотчинной «луковой» книге 1681 г. деревенские и оброчные участки крестьян Лоянской волости измерены корцами. По волости числилось «в жиле» 145 луков, «а живущей земли всего будет 198.5 корцов, а оброчной земли всего будет 328.5 корцов». ¹⁸ Подобно веревке земли, корец в вотчинной книге 1681 г. отражал меру одного поля, подразумевалось, что два других были такой же величины. Как и веревка земли, корец земли — небольшая земельная мера. На ее мизерность указывают многочисленные свидетельства крестьян. Так, 6 ноября 1691 г. Касьянка Климентиев и Ивашка Васильев из д. Яковлевской жаловались на крестьянина той же волости Панфилку Лаврентиева, по просьбе которого архимандрит отвел ему землю в этой деревне из деревенских участков названных крестьян. Последние сообщали архимандриту: «. . . земли у нас, сирот, у самих скудно и по корцу на человека нету», к тому же и третий брат «придет домой. . . не вели. . . отнять земли дедины». ¹⁹ Действительно, в 1681 г. в д. Яковлевской отдельными дворами жили четыре брата Климентьевых — Васька, Максимка, Касьянка, Лаврентийка, каждый из которых тянул тягло в 1 лук и обрабатывал $\frac{2}{3}$ корца земли в одном поле. ²⁰ Данные, которыми мы располагаем, позволяют определить площадь, обсевавшуюся корцом. Нам известна средняя величина тягла, приходившаяся в монастырской вотчине 1681 г. на один крестьянский двор, — 1.5 лука. Известна средняя величина надела, дававшаяся в Кондушях, Побережье и Люговичах на 1.5 лука, — 1.5 веревки земли, или 0.15—0.18 четверти в одном поле. В Лоянской волости с 1.5 лука крестьяне пахали надел, в среднем равный 1.9 корца земли в одном поле. Не вызывает сомнения тот факт, что во всех волостях Александро-Свирской вотчины средний размер дворового надела на 1.5 лука тягла был одинаков. Отсюда делаем вывод, что средний дворовый надел жителей Лоянской волости в 1.9 корца земли должен быть равен по площади наделу в 1.5 веревки, который пахали крестьяне Кондуш, Побережья и Люгович, и иметь площадь 0.15—0.18 четверти в одном поле. Тогда площадь 1 корца земли составит 0.09 четверти. Корец земли, площадь которого равнялась 0.09 четверти, был несколько меньше веревки земли, площадь которой включала 0.1—0.12 четверти.

Актовый материал позволяет определить приблизительную величину корца как объемной меры. Ведь корец — это сосуд, ковш, из которого производился засев пашни. В 1699 г. монастырский пятинщик описал имущество и хозяйство умершего крестьянина Лоянской волости д. Логиновской Симанка Петрова Давшеева. Он владел деревенским участком в 2.1 корца в одном поле, а ржи сеял 2 четверика в «олонецкую большую меру». ²¹ Следовательно,

¹⁸ Там же, д. 115, сст. 11.

¹⁹ Там же, к. 6, д. 156.

²⁰ Там же, к. 4, д. 115, сст. 9.

²¹ Там же, к. 8, д. 102, 351.

корец вмещал 0.95 четверика, или около пуда ржи. Исходя из ранее произведенных подсчетов площади корца земли, дворовый надел Симанка Давшеева должен быть равен 0.18 четверти, или 1.5 четверика пашни в одном поле. Высев двух четвериков ржи на 1.5 четверика озимого поля вполне соответствует вычисленному нами размеру участка.

Таким образом, в XVII в. в Присвирье официальной единицей измерения земельных площадей служила общегосударственная мера — четверть и ее доли, что нашло отражение в писцовых книгах XVII в. и правительственном делопроизводстве. В повседневной же практике использовались местные, исторически сложившиеся в крестьянской среде единицы измерения пашен и сенокосов — веревка и корец, меры ничтожно малые, соответствовавшие мизерным размерам земельных наделов крестьян Присвирья.

Е. М. ДОБРУШКИН

О СУДЬБЕ «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ» В. Н. ТАТИЩЕВА В ИСТОРИИ АРХЕОГРАФИИ

Заслуги Василия Никитича Татищева в области собирания исторических источников и подготовки их к публикации общепризнаны. Как отметил С. Н. Валк, именно В. Н. Татищев «был в России первым, кто поставил перед собой задачу в полной мере научного издания текста».¹ Впервые в России взявшись за написание истории, «Татищев должен был оказаться одновременно и в роли представителя археологической экспедиции, разыскивающей „припасы“ для написания „истории“, и в роли археографа, впервые издающего разысканные им важные для исторической науки памятники».² И хотя ни Русская Правда, ни Судебник 1550 г. не были опубликованы при жизни первого русского историка, однако именно Татищевым были открыты для науки и подготовлены для печати эти два выдающихся документальных памятника. Естественно, когда заходит речь о Татищеве-археографе, в первую очередь упоминается его работа над Русской Правдой и Судебником.³ Одновременно следует отметить,

¹ Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX века // Археологический ежегодник за 1958 г. М., 1960. С. 129; см. также: Хрестоматия по археографии. М., 1955. С. 22; Софинов П. Г. Из истории русской дореволюционной археологии: Краткий очерк. М., 1957. С. 15 и др.

² Валк С. Н. Татищевские списки Русской Правды // Материалы по истории СССР. М., 1957. Вып. V. С. 610.

³ См.: Рубинштейн П. Л. Русская историография. [М.], 1941. С. 79; Черныл В. А. Развитие методов передачи текста исторических источников в русской дореволюционной археологии // Исторический архив. 1955. № 4. С. 202; Николаева А. Т. Некоторые проблемы источниковедения в «Истории Российской» В. Н. Татищева // Тр. МГИАИ. М., 1968. Т. 16. С. 373; Корнева И. И., Тальман Е. М., Эпштейн Д. М. История археологии в дореволюционной России: Учеб. пособие. М., 1969. С. 21, 26—28, и др.